

УДК 821.581(510–18)«19»:821.161.1
DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-10-89-94

Н. А. Лебедева

*Дальневосточный федеральный университет
корп. 20 (Д), пос. Аякс, о. Русский, Владивосток, 690922, Россия*

lebedeva.na.54@gmail.com

**ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА ЛИТЕРАТУРУ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА:
ПРИЧИНЫ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ПРИНЦИПЫ**

В работе представлены проблемы контактного и типологического влияния русской и советской литературы на развитие новой литературы в сопредельном с Дальним Востоком районе Китая, – в Маньчжурии. Определены основные причины интереса китайской прогрессивной интеллигенции к русской культуре; дана периодизация процесса; выявлены принципы взаимодействия. Отмечены главные творческие результаты литературного влияния в виде художественных произведений китайских писателей, подчеркнута роль русской и советской литературы в формировании региональной специфики литературы Северо-Восточного Китая. Отмечено также влияние деятельности издательств Владивостока и Хабаровска, специально ориентированных на Китай. Подчеркнуто, что важным фактором, стимулирующим интерес к советской литературе, стало желание китайской интеллигенции понять масштабные социальные перемены в России. В то же время русская эмигрантская литература была мало известна дунбэйским авторам и потому не оказывала на них существенного влияния.

Ключевые слова: литература Северо-Восточного Китая, русская и советская литература, литературное влияние.

К началу XX в. культура Северо-Восточного Китая (Дунбэя) в силу географического положения и особенностей исторического развития испытывала воздействие различных культурных традиций: ханьской, маньчжурской, монгольской, корейской, японской. Наряду с культурой крупных этносов определенное воздействие оказывали традиции малых народов – дауров, сибо, хэчжэ, эвенков, орочонов и др. В тот период, кроме контактного взаимодействия с близкими культурами, регион, как и вся страна, испытывал мощное воздействие культуры Запада. По мнению В. Ф. Сорокина [1989. С. 174], «вряд ли в истории можно встретить феномен столь же бурного и разностороннего развития литературных связей с внешним миром, столь интенсивного усвоения богатства мировой культуры, как в Китае в десятилетие, последовавшее за “движением 4 мая” 1919 г.».

Особое место в культурной жизни Дунбэя занимали японская и русская культуры. У обеих стран там были свои далеко идущие интересы, поэтому они использовали все факторы воздействия. Но если насаждение японской культуры носило в основном насильственный характер, связанное с захватом Китая, то обращение к русской культуре инициировалось иными причинами.

Лебедева Н. А. Влияние русской и советской литературы на литературу Северо-Восточного Китая первой половины XX века: причины, периодизация, принципы // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 10: Востоковедение. С. 89–94.

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Том 16, № 10: Востоковедение
© Н. А. Лебедева, 2017

Одним из заметных факторов стало строительство КВЖД и появление в Маньчжурии большой русской колонии. Другая причина российского влияния в Дунбэе – революция в России и последовавшие перемены в социальном устройстве. Это вызвало большой интерес у левой китайской интеллигенции. Русская литература критического реализма помогла новому поколению китайских литераторов ответить на самые острые вопросы творчества.

Что касается литературы русской диаспоры, то едва ли можно говорить о ее значительном влиянии на формирование литературы Северо-Восточного Китая в первой половине XX в. Внимание китайской молодежи привлекал стиль жизни русских, который становился образцом для подражания. Молодые китайские литераторы, не владевшие русским языком, не имели возможности знакомиться с произведениями писателей-эмигрантов из Харбина. Переводы на китайский язык прозы А. Несмелова, В. Логинова, К. Сабурова, М. Шмейссера, А. Хейдока, Б. Юльского, Вс. Иванова появились только в конце XX в.

Кроме интереса передовой части китайского общества к русской классике, а затем и к результатам революционных преобразований в России, существовала особая политика коммунистов в обеих странах, направленная на распространение в Китае марксистской эстетики, партийных документов РКП(б) по вопросам культуры, популяризации советской литературы и искусства. Это, несомненно, третья причина влияния советской литературы на китайскую.

На начальном этапе основным критерием отбора материалов для перевода было наличие соответствующих текстов на английском или японском языках. С 1930 г. важную роль в этом процессе играли Лига левых писателей Китая, Лига левых художников, Лига левых театральных деятелей.

Немало произведений советской художественной литературы были переведены в России и распространялись в Маньчжурии. Во Владивостоке существовало бюро распространения китайской литературы, в Хабаровске – издательство «Дальгиз» со специальным китайским сектором, в который входили квалифицированные переводчики и редакторы. Многие переводы советской литературы на китайский язык впервые были опубликованы именно там. Например, перевод «Железного потока» А. Серафимовича был опубликован в Хабаровске в 1932 г. (поэтому «возможно, что бойцы китайской Красной армии носили в вещевых мешках изданные в Хабаровске или перепечатанные с них экземпляры повести Серафимовича» [Шпринцин, 1973. С. 255]). Этот роман, как и другие произведения советской литературы («Мать» М. Горького, «Разгром» А. Фадеева, стихи В. Маяковского), распространялся в Чанчуне, Фэнтяне, Харбине, Цицикаре благодаря деятельности местных издательств при книжных магазинах. Их работой руководили ветераны «движения 4 мая», принявшие сторону коммунистов [Дун Синцюань, 1989. С. 35]. «Разгром» А. Фадеева, переведенный Лу Синем с японского издания в 1930–31 гг., появился в шести номерах журнала «Всходы» (萌芽 «Мэнья»), а в 1934 г. был опубликован издательством «Дальгиз» в Хабаровске.

Как отмечал А. Н. Веселовский [1939. С. 18], никакое заимствование невозможно без наличия у воспринимающей стороны «встречного движения мысли», то есть тенденции, аналогичной воспринимаемой. Типологическая обусловленность отбора авторов и произведений для перевода особенно ярко проявляется на этапах истории национальной литературы с неустойчивыми литературными нормами. Как правило, это связано с переходом к новой стилиевой формации и с кризисом господствовавшей ранее поэтики. Поиски стимулов в инациональном литературном развитии становятся особенно актуальными и активизируют переводческую деятельность [Дюришин, 1979. С. 129].

Советская литература была для демократической китайской общественности не только важным каналом информации о русской революции, но и мощным генератором новых творческих идей и художественных приемов. «Книги советских писателей, переведенные на китайский язык, способствовали созданию в духовной жизни Китая атмосферы, благоприятной для формирования и развития революционной китайской литературы» [Петров, 1977. С. 247–248].

Влияние русской и советской литературы на литературу Дунбэя носило как типологический, так и контактный характер. Первое обуславливалось сходными условиями историческо-

го развития России и Китая, второе – многочисленными формами культурных контактов, происходивших из региональной специфики Северо-Востока.

Несомненно, восприятие влияния – процесс творческий, ведущий к созданию новых оригинальных произведений. Оно не свидетельствует о недостатке воображения у автора, но говорит о потенциальных возможностях писателя, выражает его восприимчивость к многообразным творческим импульсам [Дюришин, 1979. С. 78].

В рамках рассматриваемого литературного взаимодействия можно выделить три периода, каждый из которых определяется конкретными потребностями развития Дунбэя и характеризуется интересом к произведениям соответствующей проблематики.

Первый период (1910–1920-е гг.) – распространение на Северо-Востоке идей движения за новую культуру и «движения 4 мая» 1919 г. Китай в первую очередь интересовало содержание, идейная направленность русской литературы. К ней обращали вопросы, поставленные литературной революцией в Китае (отношение к личности, творческому методу, жанру, тематике и героям произведений). Читатели знакомились с произведениями Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, Л. Андреева, В. Гаршина, переводы которых на китайский язык пришли в регион из центра страны. Как правило, первыми были не переводы с русского оригинала, а пересказы, выполненные с языков-посредников: английского, немецкого, японского и французского. Часто отбор переводимых произведений определялся именно наличием переводов на указанные языки. Включение творчества каждого русского писателя в китайскую литературу проходило через стадии перевода, критического истолкования, творческого освоения. Важную роль сыграли местные периодические издания и литературные общества: «Новая культура» (新文化 «Синь вэньхуа») в Далине, «Утренняя звезда» (期明 «Цимин») и «Ледяные цветы» (冰花 «Бинхуа») в Шэньяне и др.

Второй период (1930-е – начало 1940-х гг.) – антияпонское сопротивление. Патриотическая интеллигенция обратилась к проблеме национально-освободительной войны, поэтому переводились и распространялись произведения А. Фадеева, А. Серафимовича, Вс. Иванова, Б. Лавренива о гражданской войне; особый отклик вызывали произведения о боях с японцами на Дальнем Востоке. Позднее появились произведения о Великой Отечественной войне: пьесы Л. Леонова, А. Корнейчука, К. Симонова, повесть В. Василевской «Радуга» и др. Под влиянием творческих импульсов «Разгрома» А. Фадеева и «Железного потока» А. Серафимовича Сяо Цзюнь (萧军 1907–1988) создал роман «Деревня в августе» (八月的乡村, 1935), посвященный антияпонскому сопротивлению в Дунбэе. Лу Синь, помогавший в редактировании и издании романа, в предисловии к нему писал: «Я прочитал несколько книг об оккупации трех провинций на востоке. Среди них – «Деревня в августе», и это хорошая книга. Хотя она похожа на серию новелл, и способом описания характеров тоже не может сравниться с «Разгромом» Фадеева, но все-таки торжественность и строгость, напряженность повествования, кровь писательского сердца и утраченные небо и земля, вплоть до травинки и насекомых, народные бедствия – все это сливается в целостное, яркое полотно, встающее перед глазами читателей и являющее ему одновременно отдельный уголок Китая и всю страну, сегодняшний день и будущее, дорогу смерти и дорогу жизни» (Цит. по: [Сяо Цзюнь, 1985. С. 2]).

Третий период (1945–1949 гг.) – установление народной власти, восстановление разрушенного войной хозяйства и проведение аграрной реформы. В конце 1940-х гг. писатели Северо-Восточного Китая оказались перед проблемой художественного осмысления новых явлений в жизни общества. Помощником в освоении новых тем стала советская литература, а в области культурного строительства, руководства художественным творчеством активно использовался опыт СССР. Литература Дунбэя развивалась под влиянием идейно-политических факторов, сближавших ее с советской литературой. В итоге возникло новое соотношение контактно-генетических связей и типологических схождений. Последний фактор стал настолько интенсивным, что позволил поставить вопрос о возникновении единого художественного метода.

«Поднятая целина» М. Шолохова стала примером для писателя Чжоу Либо (周立波 1908–1979), посвятившего роман «Ураган» (暴风骤雨, 1948) [Чжоу Либо, 1981] проведению аграрной реформы на Северо-Востоке. В 1936 г. Чжоу Либо перевел с английского первую часть

«Поднятой целины», опубликованную в 1939 г. в Яньани. Он писал: «Именно советскую литературу мы избрали нашим учителем. Наши писатели нашли в ней самый прогрессивный творческий метод, который учит глубокой идейности, тесной связи с народом, правдивому изображению жизни и борьбы трудящихся» (Цит. по: [Федоренко, 1953. С. 182]).

Кроме полного перевода «Поднятой целины», выполненного Чжоу Либо [1981], существовало сокращенное изложение романа, подготовленное Мэн Фаном и в 1948 г. опубликованное харбинским издательством «Гуанхуа шудянь». Брошюра небольшого формата вручалась агитаторам, направлявшимся в деревни проводить реформу, как практическое руководство к действию. В качестве предисловия в книге имела статья «Почему мы рекомендуем это произведение». В ней говорилось о том, что опыт коллективизации в СССР, описанный в «Поднятой целине», полезен при проведении аграрной реформы в освобожденных районах Северо-Востока Китая.

Современное китайское литературоведение, многое переосмыслившее в последние десятилетия, не отрицает влияния М. Шолохова. «Чжоу Либо при создании романа испытывал на себе воздействие Шолохова в плане осознания собственного творческого призвания. “Ураган” успешно воспринял творческий метод социалистического реализма “Поднятой целины” и две основные сюжетобразующие линии развития романа» [Дунбэй сяньдай вэньсюэ..., 1996. С. 160].

Повесть Цао Мин (草明 1913–2002) «Движущая сила» (原动力, 1948), посвященная восстановлению разрушенной японцами ГЭС на оз. Цзиньбоху недалеко от г. Муданьцзян [Цао Мин, 1949], создана под воздействием романа Ф. Гладкова «Цемент» (1924), главной темой которого является формирование новых характеров в ходе восстановления цементного завода. Л. З. Эйдлин полагал, что Цао Мин была хорошо знакома с этим очень популярным в Китае произведением. Роман был переведен на китайский язык Дун Шаомином и Цай Юншэном и опубликован в 1929 г. Китайские критики той эпохи считали «Цемент» творческой победой молодой советской прозы. Лу Синь называл «Цемент» вечным памятником новой русской литературы.

Подводя итоги, отметим, что граничащий с Россией и Кореей, расположенный поблизости от Японии и Монголии Северо-Восточный Китай являлся маргинальной (переходной) зоной с происходящей в ней рубежной коммуникативностью, обладающей особой энергетикой, которая распространялась и на сферу художественной культуры. Множество творческих импульсов, излучаемых культурами сопредельных стран, способствовали созданию в Дунбэе своеобразных художественных произведений. Воздействие русской и советской литературы на формирование и развитие прозы Северо-Восточного Китая носило контактный и типологический характер. Контактное влияние было усилено русской диаспорой в Маньчжурии и идеологическим воздействием с территории советского Дальнего Востока, направленным на распространение марксистской эстетики и советской литературы.

Типологическое взаимодействие двух литератур было вызвано тем, что в 1930–40 гг. жизнь поставила перед населением Дунбэя проблемы, уже решенные в СССР. Писатели Северо-Востока обращались к русской и советской литературе как к источнику идей и эстетических ценностей. Их привлекал критический реализм русской классики, а затем и творческий метод советской литературы, воспринимавшийся как самый передовой. Каждый из трех выделенных периодов литературного влияния характеризуется собственным специфическим содержанием и результатами, получившими в истории китайской литературы высокую оценку.

Список литературы

- Веселовский А. Н.* Избр. статьи. Л.: Худож. лит., 1939. 572 с.
- Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. 319 с.
- Петров В. В.* Советская литература в Китае в 1928–1930 гг. // Литература стран зарубежного Востока и советская литература. М.: Наука, 1977. С. 213–250.
- Сорокин В. Ф.* Встречное движение // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 6. С. 174–178.

Федоренко Н. Т. Очерки современной китайской литературы. М.: Худож. лит., 1953. 255 с.

Шпринцин А. Г. О литературе на китайском языке, изданной в Советском Союзе (20–30-е годы) // Изучение китайской литературы в СССР. М.: Наука, 1973. С. 242–266.

Дун Синцюань. Усы синь вэньхуа юньдун юй дунбэй вэньсюэ // Дунбэй сяньдай вэньсюэ яньцзю [董兴泉。五四新文化运动与东北文学 // 东北现代文学研究]. Движение 4 мая и литература Северо-Восточного Китая // Изучение литературы Северо-Восточного Китая. 1989. № 1. С. 31–36. (на кит. яз.)

Дунбэй сяньдай вэньсюэ шилунь [东北现代文学史论 / 张毓茂主编]. История современной литературы Северо-Востока / Гл. ред. Чжан Юймао. Шэньян: Шэньян чубаньшэ, 1996. Т. 5. 361 с. (на кит. яз.)

Сяо Цзюнь. Баюэдэ сянцунь [萧军。八月的乡村]. Деревня в августе. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1985. 216 с. (на кит. яз.)

Чжоу Либо вэньцзи [周立波文集]. Собр. соч. Чжоу Либо. Шанхай: Шанхай вэньи чубаньшэ, 1981. Т. 1. 514 с. (на кит. яз.)

Цао Мин. Юаньдунли [草明。原动力]. Движущая сила. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1949. 177 с. (на кит. яз.)

Материал поступил в редколлегию 12.01.2017

N. A. Lebedeva

*Far-East Federal University
corp. 20 (D), Aiaks-town, Russian island, Vladivostok, 690922, Russian Federation*

lebedeva.na.54@gmail.com

RUSSIAN AND SOVIET LITERATURE INFLUENCE ON THE NORTH-EASTERN CHINA'S LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY: REASONS, PRINCIPLES, PERIODIZATION

Russian and Soviet literatures' influence on the literature of the North-Eastern China (Dongbei) had both typological and contact character. Typological interaction was caused by presence of similar conditions of Russia and China historical development. Contact influence can be explained by numerous forms of the cultural interaction on the territory of North-Eastern China which had common border with Russia. Sometimes (if not usual) the influence of Russian literature on Chinese writers was expressed in the form of creative impulses. Certainly, a perception of influence is a creative process, leading to creation of new original works such as long story "The village in August" by Xiao Jun, novel «Hurricane» by Zhou Libo, long story "Driving force" by Cao Ming etc.

The influence process can be divided into three stages, and each of these stages was determined by concrete needs of the North-Eastern China's social and political development and characterized by interest to corresponding problematic works. In this context, the translation of the novels by A. Serafimovich ("The Iron Flood"), M. Sholokhov ("Virgin Soil Uplifted"), F. Gladkov ("Cement") became very popular in the region, where the similar problems were to be solved during the different periods of development in the first half of the 20th century.

The approach to the new Soviet literature was partly based on the great public interest to the Russian classics (L. Tolstoy, F. Dostoevsky, A. Chekhov, M. Gorky, L. Andreev and others). The most relevant Soviet novels and long stories during the period of 1930-40 were translated into Chinese in Vladivostok and Khabarovsk, then delivered to the territory of China (mostly Dongbei), using for propaganda purposes. At the same time, emigrant's literature of Harbin was of little known to Chinese authors; the influence of the Russian community's "way of life" was much more noticeable.

It's very important to underline that the writers of North-Eastern China appealed to Russian and Soviet literatures not only as to ideological resource, but also as to the spring of aesthetics values. At first, they were attracted by the critical realism of Russian classics, but then – by the creative method of Soviet literature also. It was supposed to be the most progressive, but nevertheless it was exposed to national and regional modification in Dongbei.

Keywords: Russian and Soviet literature, North-Eastern China's literature, literary influence.

References

Veselovskij A. N. Izbr. stat'i [Selected articles]. Leningrad: Hud. lit., 1939. 572 p. (in Russ.)

Djurishin D. Teorija sravnitel'nogo izuchenija literatury [The theory of comparative studies of literature]. Moscow: Progress, 1979. 319 p. (in Russ.)

Petrov V. V. Sovetskaja literatura v Kitae v 1928–1930 gg. [Soviet literature in China in 1928–1930th years] // Literatura stran zarubezhnogo Vostoka i sovetskaja literatura [The literature of foreign East countries and Soviet literature]. Moscow: Nauka, 1977. P. 213–250. (in Russ.)

Sorokin V. F. Vstrechnoe dvizhenie [Counter movement] // Problemy Dal'nego Vostoka [Problems of Far East]. 1989. № 6. P. 174–178. (in Russ.)

Fedorenko N. T. Oчерki sovremennoj kitajskoj literatury [Essays on the modern Chinese literature]. Moscow: Hud. lit., 1953. 255 p. (in Russ.)

Shprincin A. G. O literature na kitajskom jazyke, izdannoj v Sovetskom Sojuze (20–30-e gody) [On the Chinese language's literature published in Soviet Union (20–30th years)] // Izuchenie kitajskoj literatury v SSSR [Studies of Chinese literature in the USSR]. Moscow: Nauka, 1973. P. 242–266. (in Russ.)

Dong Xingquan. Wusi xin wenhua yundong yu dongbei wenxue // Dongbei xiandai wenxue yanjiu [董兴泉。五四新文化运动与东北文学 // 东北现代文学研究]. “4th of May movement” and North-Eastern China's literature // Studies of North-Eastern China's literature. 1989. № 1. P. 31–36. (in Chin.)

Dongbei xiandai wenxue shilun [东北现代文学史论 / 张毓茂主编]. A history of North-Eastern China's literature / Zhang Yumao (ed.). Shenyang: Shenyang chubanshe, 1996. 361 p. (in Chin.)

Xiao Jun. Bayuede xiangcun [萧军。八月的乡村]. Village in August. Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1985. 216 p. (in Chin.)

Zhou Libo wenji [周立波文集]. Collection of works by Zhou Libo. Shanghai: Shanghai wenyi chubanshe, 1981. Vol. 1. 514 p. (in Chin.)

Cao Ming. Yuandongli [草明。原动力]. The driving force. Beijing: Renmin wenxue chubanshe, 1949. 177 p. (in Chin.)